

БЕСТСЕЛЛЕР
THE SUNDAY TIMES

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ» ДЖОДЖО МОЙЕС

Джесс — мать-одиночка. Маленький Уильям — самое дорогое, что есть в ее жизни. Прошло десять лет, но она так и не смогла забыть Адама, отца своего ребенка. Узнав о том, что высока вероятность унаследовать тяжелое генетическое заболевание, Джесс, по совету матери, решается возобновить отношения. Мысли о сыне Уильяме, который может остаться один, подстегивают ее. Джесс должна сделать все, чтобы соединить двух самых близких и дорогих для нее людей — Уильяма и Адама. Возможно, это ее последний шанс обрести настоящую семью и счастье...

Все, что вы искали, — в этом романе: динамичный сюжет, тонкий юмор, чувственность и романтика в отношениях, счастливый конец. История, которая развивается в самой волшебной стране мира, воспевает силу любви, способную преодолеть все барьеры и страхи.

Сьюзен Виггс, американская писательница

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4504-4

9 786171 245044

КЭТРИН АЙЗЕК
Я, ты и все, что между нами

КЭТРИН АЙЗЕК

Я, ты и все, что между нами

КЭТРИН АЙЗЕК

CATHERINE ISAAC

You, me, everything

A NOVEL

КЭТРИН АЙЗЕК

Я, ты и все,
что между нами

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
А36

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения
“Curtis Brown UK” и “The Van Lear Agency”

Переведено по изданию:
Isaac C. You, Me, Everything : A Novel / Catherine Isaac. —
London : Simon & Schuster, 2017. — 432 p.

Перевод с английского *Карины Хусаиновой*

Дизайнер обложки *Марго Стерничук*

ISBN 978-617-12-4504-4
ISBN 978-1-4711-6446-0 (англ.)

© Jane Wolstenholme, 2017
© Depositphotos.com / kues,
обложка, 2019
© Nemiro Ltd, издание на
русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2019

Моей семье

ПРОЛОГ

Манчестер, Англия, 2006

Иногда жизнь берет лучшее и худшее, что может предложить, и преподносит это тебе в один день.

Наверняка это не уникальный вывод, к которому приходят во время рождения ребенка, но меня к этой мысли привел непростой коктейль из боли и радости. Когда я наконец-то должна была встретиться с крошечным человечком, жившим в моем теле последние девять месяцев, то все эти восемь мучительных часов я еще и пыталась дозвониться до его отца, чтобы вытащить его из бара, клуба или из постели другой женщины — или где и с кем он там проводил время.

— Джессика, ты не забыла взять свою карточку? — спросила акушерка, когда я прибыла в больницу одна.

— Да, взяла. А вот своего парня где-то потеряла, — ответила я, виновато улыбаясь.

Она взглянула на меня из-под ресниц, когда я оперлась на стойку регистрации родильного отделения, надеясь, что раздражающая боль в животе скоро пройдет.

— Уверена, он скоро приедет.

По моему затылку начал стекать пот.

— Я оставила ему несколько сообщений. Двенадцать, если быть точной. Он на рабочей встрече. Наверное, у него нет связи.

В тот момент часть меня все еще надеялась, что это правда. Я всегда стремилась видеть в Адаме только хорошее, даже вопреки очевидным доказательствам обратного.

— Не мужчины приходят сюда рожать, — напомнила мне акушерка. — Поэтому, если нам нужно сделать это без отца, мы прекрасно справимся.

Отец. Я не могла отрицать биологического факта, но эта роль не вязалась с образом Адама.

Акушерка выглядела успокаивающе бывалой, у нее были крепкие ноги, грудь, на которую можно было поставить горшок с цветком, и волосы, которые всю ночь провели на поролоновых бигуди. На ее бейдже было написано «Мэри». Я знала Мэри всего три минуты, но она мне уже нравилась, а это было хорошим знаком, учитывая, что она собиралась осматривать мою матку.

— Ну же, милая, давай отведем тебя в палату.

Я направилась к сумке с вещами, которую мне помог донести водитель такси, но она бросилась за мной, схватилась за ручки сумки и покачнулась от ее веса.

— Как долго ты собираешься здесь оставаться? — подшутила она, и я постаралась улыбнуться, пока не поняла, что на подходе новая волна схваток.

Я стояла в немом страданье, выкатив глаза, но решительно настроенная не превращаться в женщину, которая приводит окружающих в ужас своими истошными воплями.

Когда боль отступила, я медленно последовала за Мэри вниз по ярко освещенному коридору, доставая телефон, чтобы проверить сообщения. Там был десяток эсэмэсок от мамы и от моей лучшей подруги Бекки, но от Адама — ничего.

Не так я себе это представляла.

Я не планировала быть одной.

И как бы я ни переживала из-за наших отношений в последние месяцы, в этот самый момент я бы все отдала, лишь бы он был рядом, держал меня за руку и успокаивал, обещая, что все будет в порядке.

О беременности я узнала на следующий день после своего двадцать второго дня рождения. И хотя этого не было в моих планах, за последующие девять месяцев я убедилась, что буду отличной мамой. Внезапно я поняла, что все это было не более чем бравада.

— Все хорошо, дорогая? — спросила Мэри, когда мы подошли к двери предродовой палаты.

Я молча кивнула, несмотря на горькую правду: даже в ее опытных руках я чувствовала себя одинокой и до ужаса испуганной и была убеждена, что чувство это будет длиться до тех пор, пока не приедет Адам и не выполнит свой долг по вытиранию пота с моего лица и держанию меня за руку.

Комната была маленькой и функциональной, легкие кружевные занавески придавали ей вид старого Тревелоджа¹. Небо снаружи было цвета патоки, черное и беспросветное, перламутровая луна скрывалась в тени облаков.

— Взбирайся, — сказала Мэри, похлопывая постель.

Я выполнила ее указания лечь на спину и раздвинуть ноги. Затем она холодно объявила: «Вхожу» — и начала маневрировать своей рукой в моих самых интимных местах, мои глаза округлились, и я затаила дыхание.

— Раскрылась на четыре сантиметра. — Она выпрямилась, улыбнулась и сняла латексную перчатку, когда схватки начали усиливаться. — Ты рожаешь, Джессика.

— Прекрасно, — ответила я, из вежливости промолчав о том, что это не было для меня откровением: еще несколько часов назад я окрестила пол своей кухни околоплодными водами.

— Лучше всего забраться сейчас на мяч для родов и позволить силе тяжести помочь нам. Я проверю девушку в соседней палате, но не стесняйся использовать кнопку вызова. К тебе может кто-то приехать? Подруга? Или мама?

Бекки жила неподалеку, но мама всегда была единственным вариантом, безумно унижительным, поскольку нужно было звонить и объяснять, что Адам не приехал.

— Мама приедет по моему звонку. Если мой бойфренд не выйдет на связь до двух часов ночи, она примчится сюда.

— Отлично, — произнесла Мэри и оставила меня одну с надутым наполовину мячом, айпадом, заполненным песнями Джека Джонсона, аппаратом с газом и аппаратом с кислородом. О том, как ими пользоваться, я забыла спросить.

---

¹ Travelodge — крупная сеть бюджетных отелей по всему миру. (Здесь и далее примеч. пер.)

Я позвонила маме ровно в два. Она появилась через шесть минут в обтягивающих джинсах и блузке из мягкой льняной ткани, на шее у нее звучал шепот Эсте Лаудер, поющей «Beautiful». Она принесла огромную спортивную сумку, в которой был «горящий» родовой набор. Он состоял из компактной видеокамеры, подушки с гусиным пухом, тюбика зубной пасты, экземпляра журнала «Женщина и дом»¹, какого-то крема для рук от Нилс Ярд, гроздей винограда, двух больших контейнеров Тапервер² со свежее испеченными кексами, нескольких розовых полотенец и, я не шучу, плюшевой игрушки.

— Как ты? — спросила она взволнованно, подвигая стул и заправляя прядь коротких светлых волос за ухо. На ее лице был легкий макияж: у нее была хорошая кожа, и ей никогда не нужно было много косметики, а ее прекрасные голубые глаза светились.

— Все окей. А ты?

— Прекрасно. На седьмом небе от счастья, что нахожусь здесь. — Она стучала ногой по кровати во время разговора: в комнате раздавалось металлическое звяканье. Мама всегда сохраняла спокойствие в стрессовых ситуациях, но в последнее время я стала замечать ее нервные движения, вот и в ту ночь ее нога жила отдельной жизнью.

— Ты же не могла добраться сюда из дому за шесть минут? — спросила я, пытаюсь впервые вдохнуть кислород, и начала кашлять оттого, что поперхнулась.

— Я была на парковке с полуночи. Не хотела застрять в пробке.

— Если бы Адам был таким же предусмотрительным, — пробормотала я.

Ее улыбка исчезла.

— Ты пробовала написать ему еще раз?

---

¹ «Woman & Home» — ежемесячный журнал для женщин о стиле и моде (англ.).

² Tupperware — американская компания по производству емкостей для кухни и быта (англ.).

Я кивнула, стараясь изо всех сил скрыть, что была очень расстроена.

— Да, но, очевидно, есть что-то более важное, чем находиться здесь.

Она придвинулась и сжала мои пальцы. Мама не привыкла видеть меня рассерженной. Я с трудом могла *по-настоящему* разозлиться на кого-то или на что-то, возможно, за исключением нашего хренового высокоскоростного соединения.

Но вы бы никогда не поверили в это, увидев меня той ночью.

— Ненавижу его, — фыркнула я.

— Это не так, — покачала она головой и подушечками пальцев погладила костяшки моей руки.

— Мам, ты не знаешь и половины того, что происходило в последнее время. — Я боялась рассказывать ей, не хотела, чтобы лопнул «мыльный пузырь» — идея, что наша с Адамом семейная жизнь может хоть как-то сравниться с той, которую они с отцом подарили мне. Я оглядывалась на свое детство, как на нечто благословенное, безопасное и счастливое, несмотря на некоторые сложные периоды, которые на сегодняшний день уже миновали.

Она вздохнула:

— Окей. Но не изводи себя сейчас из-за этого. Ты никогда не вернешь этот момент. Хочешь есть? — Она открыла один из контейнеров.

Я выдавила из себя улыбку:

— Ты серьезно?

— Нет? — удивилась она. — Когда я рожала тебя, то умирала от голода. Я съела половину пирога «Лимонный дождь» еще до того, как у меня отошли воды.

Мама была отличным партнером по родам. Она смешила меня в перерывах между схватками, успокаивала, пока все не выходило из-под контроля настолько, что я не могла сдерживать крики.

— Почему они не дали тебе что-нибудь обезболивающее? — спросила она еле слышно.

— Я сама отказалась от анестезии. Хотела, чтобы роды были естественными. И... я занималась йогой.

— Джесс, ты пытаешься вытолкнуть человека из своей вагины, — я думаю, тебе нужно нечто большее, чем дыхательные упражнения и свечка.

Она оказалась права. К тому времени, как меня рвало в двадцатый раз, я была охвачена такой непередаваемой болью, что выкурила бы трубку с крэком, если бы мне предложили. Сквозь окно уже стало пробиваться неяркое солнце, и другая акушерка, которая, вероятно, представилась мне раньше, когда мой разум был слишком занят другими вещами, наклонилась, чтобы осмотреть меня.

— Извини, дорогая, уже поздно для анестезии. Можно сделать тебе укол петидина, если хочешь, но ребенок родится уже очень скоро.

Мои ноги начали бесконтрольно трястись, от боли у меня перехватило дыхание, я потеряла способность ясно выражаться и рационально мыслить.

— Я просто хочу, чтобы Адам был здесь. Мам... *пожалуйста*.

Мама суматошно начала копаться в телефоне, пытаюсь найти его номер. Но уронила мобильный и ругала себя за неуклюжесть, ползая по полу и пытаюсь схватить его, словно кусок мыла в ванной.

Затем все было как в тумане, я уже не думала ни о телефонных звонках, ни об игле в бедре: я была в горячке от ужасной и сверхъестественной силы своего тела.

Примерно через минуту и три потуги, после того как мне ввели петидин, мой ребенок появился на свет.

Он был чудесным, мой мальчик, с пухленькими ручками и ножками, выражение его крошечного лица казалось растерянным, и он часто моргал глазками, когда акушерка положила его мне на руки.

— О господи, — ахнула мама. — Он...

— Чудесный, — прошептала я.

— *Крупный*, — продолжила она.

Новорожденные всегда казались мне хрупкими и беспомощными, но Уильям был здоровяком весом четыре кило-

грамма двести граммов. И он не плакал, даже в первые секунды, он просто свернулся в теплом изгибе моей груди — и все было замечательно.

Ну, почти все.

Как только я прижалась губами к его лбу и вдохнула его сладкий, непривычный запах, дверь распахнулась. В проеме появился Адам, который в пух и прах разбил теорию о том, что лучше поздно, чем никогда.

Не знаю, что было сильнее, когда он подошел к нам: запах духов другой женщины или горький запах перегара. Он не сменил одежду с прошлой ночи. Ему не удалось стереть помаду со своей шеи, и от уха до рубашки красовалась яркая полоса блядско-розового цвета.

Внезапно я захотела, чтобы он не приближался ни ко мне, ни к нашему ребенку, и никакое количество антибактериального геля для рук не смогло бы исправить того, что он оказался таким дерьмом. Во всех смыслах этого слова. Я безнадежно пыталась понять, как давно закрывала на это глаза.

— Можно мне... могу я подержать ее? — спросил он, протягивая руки.

Мама вздрогнула от моего резкого вздоха.

— Адам, это *мальчик*.

Он удивленно поднял взгляд и опустил руки. Он сел, глядя на нас, будто не мог ничего сказать и уж тем более не мог подобрать правильных слов.

— Ты все пропустил, — произнесла я, смахивая слезы. — Не могу поверить, что ты все пропустил, Адам.

— Джесс, послушай... Я все могу объяснить.

ГЛАВА 1

Десять лет спустя, лето 2016

Не пойму, когда я разучилась собирать вещи. Раньше, когда у меня было время и настроение, чтобы запастись надувными подушками для путешествий и миниатюрными туалетными принадлежностями, я была в этом профи. Сейчас мне

не хватает места, мой старый «ситроен» трещит по швам. Но меня не покидает стойкое чувство, что я забыла о какой-то вещи, а может, даже и не об одной.

Проблема в том, что я не составила список. Женщины моего поколения обычно считают, что списки — решение всех проблем, даже если мир вокруг них раскалывается надвое. Но сейчас я вышла за пределы списков — наступил момент, когда нужно сделать так много дел, что тратить время на такую мелочь, как *составление списка*, кажется абсолютным безрассудством. Кроме того, если я и забыла о чем-то, то просто куплю это по приезду на месте — мы едем всего лишь в деревенскую Францию, не к бассейну Амазонки.

Если мои сборы были бессистемными, то как охарактеризовать сборы Уильяма, даже не знаю. В его сумке в основном были упаковки Харибос¹, которые он нашел под кроватью после недавней вечеринки, книги с названиями вроде «Ядовитые змеи мира», несколько водяных пистолетов и набор туалетных принадлежностей с очень специфическим запахом.

К последним он начал проявлять интерес совсем недавно, после того как его друг Кэмерон решил, что десять лет — веский повод начать пользоваться дезодорантом перед школой. Мне пришлось мягко напомнить своему сыну, что он недалеко уедет во Франции без штанов, разгуливая в одном только облаке из аромата «Линкс Африка»².

Я запрыгнула на водительское сиденье, повернула ключ зажигания и, как обычно, удивилась, когда двигатель завелся.

— Ты уверен, что ничего не забыл? — спросила я.

— Думаю, что нет.

Вспышка волнения на его лице заставила мое сердце екнуть. Он был таким с того самого момента, как я сообщила ему, что мы проведем лето с его отцом. Я наклонилась, чтобы быстро поцеловать его. Он вытерпел, но времена, когда он

---

¹ Немецкая компания, производитель сладостей.

² «Линкс Африка» — самый популярный мужской дезодорант фирмы «Линкс» с запахом африканских специй.

обвивал меня руками и кричал «Ты лучшая мама в мире», давно прошли.

Для своих лет Уильям был высоким, почти долговязым, несмотря на аппетит и недавно появившуюся одержимость «Доминос»¹. Он унаследовал от своего отца рост, а также карие глаза, кожу, которая легко загорает, и темные волосы, завивающиеся на затылке.

Во мне метр шестьдесят два сантиметра, поэтому он совсем скоро будет выше меня и тогда, вероятно, станет еще менее на меня похожим. У меня кожа бледная, вся в веснушках и склонна к покраснению при малейшем солнце. Светлые волосы едва касаются плеч и совсем не вьются, как у моего сына, но при этом они не идеально прямые, а чуть волнистые, что раздражало меня в те времена, когда это было моей единственной проблемой.

— Кто присмотрит за домом, пока нас не будет? — спросил он.

— Дорогой, за ним не нужно особо присматривать. Только забирать почту.

— А что, если кто-то ограбит его?

— Вряд ли.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Если кто-то собирается забраться в дом на этой улице, наш будет последним вариантом, который выберут злоумышленники.

Я купила наш маленький домик на юге Манчестера благодаря финансовой помощи отца вскоре после появления Уильяма и, к счастью, до того, как этот район стал популярным.

Я никогда не посещала вечера лото в фалафель-баре в конце улицы и купила всего одну буханку хлеба с киноа с момента открытия частной мини-пекарни. Но я полностью поддерживаю открытие таких заведений, ведь благодаря им цены на дома взлетели.

А это значило, однако, что я была, вероятно, единственной тридцатитрехлетней матерью-одиночкой, живущей в этом

---

¹ Domino's Pizza — международная сеть ресторанов фастфуд, пиццы.

районе на зарплату. Я обучаю писательскому мастерству в местном прединiversитетском колледже, который всегда давал больше удовольствия от работы, чем материального вознаграждения.

— Семью Джейка Милтона обокрали, — произнес Уильям мрачно, когда мы свернули с улицы. — Украли все ювелирные украшения его матери, машину отца и Хвох Джейка.

— Правда? Это ужасно.

— Я знаю. Он дошел до последнего уровня в «Садовой войне»¹, — вздохнул он, качая головой. — Он *никогда* не сможет достичь его снова.

За четыре-пять часов мы доберемся до южного берега, чтобы сесть на паром, но мы выехали пораньше, чтобы сделать остановку недалеко от нашего дома.

Через десять минут мы прибыли к Уиллоу-Бэнк-Лодж и заехали на маленькую парковку спереди. Снаружи здание выглядело как огромный домик из лего из-за одинаковых кирпичей грязно-коричневого цвета и крыши, покрытой серой черепицей. Впрочем, мы выбираем дома престарелых не из-за архитектуры.

Я ввела код от двух дверей, и, едва мы вошли, в нос тут же ударил запах пережаренного мяса и вареных овощей. Внутри было чисто, светло, помещение поддерживалось в хорошем состоянии, хотя дизайнер интерьера явно был дальтоником. Обои с завитками цвета зеленого авокадо, на полу красная ковровая плитка, украшенная узором темно-синего цвета, а плинтусы покрыты лаком цвета повидла, который, по чьему-то ошибочному мнению, должен был имитировать натуральное дерево.

Из-за двойных дверей и комнаты с телевизором раздавался звон посуды, поэтому мы направились туда, вместо того чтобы пойти по коридору к маминной комнате.

— Артур, вы в порядке? — осторожно поинтересовалась я, когда один из постоянных жителей выбирался из ванной комнаты с таким выражением лица, как будто попал в Нарнию.

Он резко выпрямился:

---

¹ Игра «Растения против зомби: Садовая война» (*Garden Warfare*).

— Я ищу свои сковородки. Вы их не трогали?

— Нет, Артур, это были не мы. Почему бы вам не посмотреть в столовой?

Я, можно сказать, спасла его, прежде чем он успел войти в кладовку с метлами, и тут двойные двери распахнулись и один из членов персонала, Рахим, предложил ему руку для поддержки и увел его прочь.

— Кийя, — произнес Уильям.

У Рахима, сомалийца по происхождению, в его двадцать четыре — двадцать шесть лет тоже был Х'вох, поэтому им было что обсудить.

— Эй, Уильям. Твоя бабушка скоро будет обедать. Возможно, останется несколько ананасовых слоев, если хочешь.

— О да. — Мой сын никогда не отказывался от еды, и только если я готовила что-то невероятно сложное, он неизменно смотрел на это, как на тарелку дымящихся промышленных отходов.

Когда Артур вышел в дверь, а вслед за ним и Рахим, на их месте появилась мужская фигура. Кожа вокруг его висков потускнела от долгих лет, прошедших в состоянии постоянного напряжения, которое оказало большее влияние на его здоровье, чем то обстоятельство, что он был алкоголиком в завязке.

— Дедушка! — Лицо Уильяма озарилось улыбкой, а тусклые серые глаза моего отца оживились.

ГЛАВА 2

Это одно из маленьких чудес моего мира: даже перед лицом невообразимого бремени мой отец светился изнутри, когда внук был рядом.

— Уильям, ты все собрал?

— Ага. Собрался и готов двигаться в путь, дедушка.

Папа вздохнул и его густые кудрявые волосы и сделал шаг назад, чтобы рассмотреть его.

— Я бы отвел тебя в парикмахерскую перед поездкой.

— Но мне нравится, когда они длинные.

— Ты выглядишь как разорванная подушка. — Уильям хихикнул, даже несмотря на то, что слышал эту шутку столько раз, что уже сбился со счета.

— Сколько минут в четырех с половиной часах? — проверял его папа.

— Хм... Двести... семьдесят.

— Молодчага, — он резко притянул его к себе и обнял.

То, что мой сын занесен в список Одаренных и Талантливых по математике, не было моей заслугой. Арифметика определенно не самая сильная моя сторона, а единственные фигуры, по которым Адам был специалистом, разве что песочные часы.

Впрочем, отцом для Уильяма всегда был больше мой папа, бухгалтер, чем Адам. Домик моих родителей находился в десяти минутах от нашего, и для Уильяма, до того как он пошел в школу, он был вторым домом, местом, где мой сын ломал голову над пазлами с моим папой и пек волшебные пироги с мамой.

Моя мама уже не была той бабушкой, что раньше, семь или восемь лет назад она была бы первой в очереди на спуск с огромной извилистой горки в местном мягком игровом комплексе с Уильямом на коленях. Она никогда не переживала о том, что выглядела как взрослый ребенок; мама просто скидывала свои ботинки и прыгала, а Уильям взвизгивал от удовольствия, пока другие женщины ее возраста, у которых не было диагноза, который к тому времени уже был ей озвучен, оставались снаружи и пили свое латте.

— Давай-ка я дам тебе что-то на мелкие расходы, — произнес папа, роясь в карманах брюк.

— Не нужно, — неуверенно пробормотал Уильям, когда папа вкладывал двадцатифунтовую купюру ему в руку.

— Купи себе комикс о паровозике.

— Можно мне колу?

— Конечно, — ответил папа прежде, чем я успела категорически возразить.

— Спасибо, дедушка. Я очень ценю это. — Уильям прошмыгнул в гостиную, чтобы найти бабушку, в то время как я не решалась заговорить с отцом.

— Дорогая, вам нужно было сразу же ехать к парому, — сказал он мне. — Не нужно было останавливаться здесь.

— Конечно, нужно. Хотела приготовить маме ланч перед отъездом.

— Я приготовлю. Я только выскочил, чтобы купить бумаги.

— Нет, я бы хотела сделать это, если ты не против. — Он кивнул, медленно вздыхая. — Послушай, попробуй расслабиться во Франции. Тебе нужен отдых.

Я натянута улыбнулась:

— Ты думаешь, это будет отдых?

— Тебе понравится, если ты *позволишь* себе. А ты должна позволить. Хотя бы ради мамы, если так тебе будет легче. Она и правда этого хочет, ты же знаешь.

— Мне все еще кажется, что мы слишком долго будем находиться так далеко от вас.

— Мы прожили с этим десять лет, Джесс. Ничего не случится за пять недель.

Мама сидела в дальнем углу гостиной, возле открытого окна террасы, а Уильям сидел возле нее и болтал. Это было лучшее место в это время дня: солнце было высоко, и она чувствовала легкий летний бриз на своей коже. Она была в кресле-каталке в бирюзовом платье, которое я купила ей в Бодене несколько месяцев назад, и можно сказать, что она сидела, хотя это предполагает практически неподвижность.

На самом деле в последние дни мама редко была неподвижной, но благодаря своим сильным таблеткам она дергалась не так активно, как до этого.

Тем не менее мне до боли известно, что медикаменты не творят чудеса.

Она вертелась и крутилась, черты ее лица и костлявые конечности искривлялись и приобретали неправильные формы. Теперь она была очень худой, суставы торчали из локтей

и колен, скулы так выпирали, что иногда мне казалось, что ее глаза были слишком велики для лица. Ее руки тоже стали крючковатыми, скрученными не по годам. Когда-то она выглядела молодо для своих лет. А сейчас никто бы не сказал, что ей только пятьдесят три.

— Привет, мам, — я наклонилась, чтобы обнять ее, и не выпускала из объятий немного дольше обычного.

Отстранившись, я посмотрела на ее обвисший рот, чтобы увидеть, может ли она вернуть улыбку. Ей потребовалось много времени, чтобы ответить мне, но в конце концов она смогла произнести несвязное:

— Эх... милая.

Я до сих пор могу понимать большую часть из того, что говорит мама, но я одна из немногих, кто это может. Она говорит невнятно, предложениями из трех-четырёх слов, ее голос звучит сипло и тихо.

— Я смотрю, ты нашла лучшее место. Все будут завидовать.

Проходит длинный промежуток времени, в течение которого мама подбирает слова.

— Я подкупила их, — в итоге произнесла она, и я засмеялась.

Подошел другой член персонала, раскрыл большой пластиковый слюнявчик и аккуратно завязал у нее вокруг шеи, после чего поставил мамин обед на стол. Я наклонилась, чтобы расправить слюнявчик, но ее левая рука продолжала поднимать его вверх.

Я подумала было убрать детскую ложечку с края тарелки, но решила оставить ее на тот случай, если мама захочет попытаться самостоятельно накормить себя. В последнее время ей редко это удавалось, и она негодовала, когда ей в первый раз предложили другой вариант.

Уже почти год, как она переехала в Уиллоу-Бэнк-Лодж. Мы все хотели, чтобы она оставалась дома как можно дольше, но это стало слишком тяжело, даже несмотря на то, что папа обустроил кровать для нее внизу. Отец до сих пор работал, и это существенно мешало ему быть сиделкой двадцать четыре часа в сутки — всем стало очевидно, что ей понадобится

еще кто-то, кто будет о ней заботиться, в идеале в месте, где простой прием душа не будет представлять собой опасное для жизни приключение. Здесь она не испытывала недостатка в посетителях. У нее был небольшой круг друзей, которые помогали ей пройти каждый сложный момент в течение последних десяти лет.

Ее лучшая подруга, Джемма, приходит каждые выходные, обычно с новой аудиокнигой или порцией поломанного вишневого печенья, которое она называет своим коронным блюдом.

— Взволнован? — спросила мама у Уильяма.

— Жду с нетерпением! — ответил он. — Папа планирует столько всего для нас, бабушка. У нас будет лучший котедж, правда, мам? Мы будем заниматься каякингом, лазить по горам, и он разрешит мне помочь ему сделать что-то своими руками.

Меня серьезно беспокоили ожидания моей мамы от этой поездки, которая, к слову, была полностью ее затеей. Не то чтобы я была удивлена, когда она предложила ее, драматично добавляя, что это ее «посмертное желание». Она открыто признавала, что это стопроцентная гарантия того, что она пойдет своей дорогой.

После того как мы с Адамом разошлись, мама злилась на него так же, как и я, и понимала, почему я хотела держать его на расстоянии вытянутой руки. Она никогда не хотела, чтобы мы снова были вместе, но она предполагала, допускала или, по крайней мере, надеялась, что Уильям будет хоть как-то поддерживать отношения с отцом.

Но Адам переехал во Францию, и стало ясно, что этого не случится.

Собственно говоря, Адама нельзя было назвать безответственным родителем. Он вовремя выплачивал алименты, помнил о дне рождения Уильяма и выходил на связь по скайпу каждый раз, когда обещал это сделать. Но наш сын был не более чем маленьким элементом в пазле яркой жизни Адама. Они виделись в лучшем случае два или три раза в год. И я даже

не уверена, что Адам мог бы что-то возразить на обвинение в отсутствии интереса к сыну.

Мама была заиклена не только на недостатке общения, но и на том, что я никогда ничего не говорила и не предпринимала по этому поводу. А я сознательно позволяла Адаму отдаляться. Честно говоря, я была этому рада. Я любила Уильяма за нас двоих.

Я абсолютно уверена, что она никогда не представляла себе, чтобы мы с Адамом сидели каждое воскресенье за столом ради Уильяма, подавали соус, ненавидя друг друга до тошноты, но она годами настаивала на том, что ему нужны «настоящие» отношения с отцом.

Сейчас Адам живет роскошной жизнью в Дордони, в то время как мы живем в доме в Манчестере, и наличие на углу нашей улицы люксового хлебного магазина ничуть не делает наши условия похожими. Тем не менее я слышу, что она говорит мне. Я не согласна, но слышу. И каждый раз, когда я смотрю на нее в последнее время и представляю, через что ей приходится проходить, то вспоминаю, что я не в том положении, чтобы спорить. Поэтому я отправила Адаму сообщение на имейл, что мы можем нанести визит. Подозреваю, он чуть не умер от удивления.

Как бы там ни было, если бы мне удалось заставить их *сблизиться*, это могло бы хоть немного утешить маму. Кроме того, у меня ведь будет поддержка, хотя бы на время нашего пребывания там. Моя подруга Наташа присоединится к нам на несколько недель, а потом приедет Бекки с мужем и детьми.

— Я... я люблю Францию, — заговорила мама, пытаясь зафиксировать свой взгляд на Уильяме. — Сделайте побольше фотографий.

Мы несколько раз проводили каникулы во Франции, когда я была возраста Уильяма. Мы останавливались в передвижных домиках на одном и том же месте из года в год — это было раем, новый мир бесконечно солнечных дней и завтраков, состоящих из выпечки с *настоящим* шоколадом внутри.

— Попробуй покататься на водном велосипеде, — сказала мама. — Твоя мама... любила это.

Я почувствовала, что мое горло сжимается от воспоминаний, как мы с мамой катались вокруг озера на краю лагеря, хихикая на солнце.

Когда Уильям начал что-то болтать о двухъярусной кровати, мне пришлось отвести взгляд, чтобы никто из них не увидел, что мои глаза увлажнились. Я сглотнула комок и напонила себе, что нас не будет всего несколько недель. Я никому не сделаю лучше, если расплачусь прямо сейчас, и неважно, как тяжело у меня на душе из-за этого.

Я посмотрела вниз и осознала, что мама не прикоснулась к детской ложке. Так что я взяла ее, неуверенно зачерпнула немного каши и поднесла к ее рту.

— Серебряное обслуживание, — пробормотала она и коротко засмеялась.

ГЛАВА 3

Мы отправились в наше двадцативосьмичасовое путешествие длиной в тысячу триста километров в прекрасном настроении, вместе невпопад подпевая плей-листу, в котором были все, от «Битлз» до Авичи¹. Мы болтали о том, какой была Франция, когда я была маленькой: мягкие песчаные пляжи, чудесное мороженое, — вспоминали о том, как мама учила меня играть в блек-джек на франки и сантимы.

Уильям какое-то время играл на моем айпаде, согнувшись над экраном, пока я не начала переживать, что он залипнет вот так, и не заставила его оторваться. Вместо этого мы включили аудиокнигу «Мальчик-миллиардер» Дэвида Уолльямса и вскоре так сильно смеялись, что у нас заболели щеки. Потом появилась определенная сюжетная линия, вводящая персонажа, который встречается с моделью, снимающейся топлес. Я даже не уверена, знает ли он значение этого слова. Я знала только, что у меня было похожее чувство, когда в начале этого года он

---

¹ Авичи — сценическое имя шведского диджея и музыкального продюсера Тима Берглинга.

просил меня объяснить, откуда берутся дети. Тогда я побежала и купила книгу, посвященную этому и другим похожим вопросам, чтобы он прочел ее самостоятельно, прежде чем спрашивать у меня. Таким образом мы избежали смущения.

— Почему я должен смущаться? — невинно спросил он, заставляя меня звучать радостно и расслабленно при чтении предложений вроде «некоторые люди называют этот процесс *мастурбацией*».

К тому времени, как мы оказались на пароме, Уильям был гораздо менее расположенным к разговорам. Он выглядел бледным, когда мы припарковались в подвале парома и направились вверх к окну.

— У нас будет отличный вид, — отметила я радостно, на что он ответил:

— Меня сейчас стошнит.

Его вырвало семь раз в течение шестичасового ночного путешествия, на протяжении которого мы должны были спать, и с парома он сошел похожим на ребенка из «Экзорциста». Мы остановились на первой площадке для стоянки, которую нашли на французской земле, ждали, пока его морская болезнь пройдет, и потягивали воду, глядя на то, как поток британских семей двигался в неправильном направлении по кольцевой.

Остаток пути Уильям проспал, пробуждаясь, только чтобы сходить в туалет. Я оставалась наедине со своими мыслями до самой Дордони, пересеченной лесами и полями. Мы пробирались через сельскую местность, мимолетные гости в дюжине сонных деревень, усеянных горшками с огненно-красной геранью и кремовыми каменными домами с закрытыми окнами.

Невзирая на красоту пейзажа, я не могла перестать думать о маме, преследуемая теми же мыслями, которые сделали меня настолько обеспокоенной, что в начале этого года я впервые в жизни начала принимать антидепрессанты. Я никогда не считала себя человеком, которому понадобится медицинская помощь для улучшения настроения. Я всегда считала себя *веселой*. Первая, кто надевал глупую шапку на Рождество, или вскакивал и измывался над песней в караоке, или принимал

участие в битве водными пистолетиками с Уильямом. Максимум, что мне нужно было, чтобы справиться с тяжелым днем, — «Альмонд Магнум»¹, изредка запиваемое пино гриджо, в то время как результаты тестирования на работе указывали на мою «безграничную энергию и популярность у студентов», и мне даже никогда не приходилось платить за то, чтобы кто-то говорил так.

Но с тех пор, как мама переехала в Уиллоу-Бэнк (я думаю, что с этого момента), во мне постепенно начали происходить перемены. Шесть месяцев назад все вышло из-под контроля. Хотя многие даже не заметили этого во мне. Я хорошо играла ту самую старую Джесс. Но внутри все было иначе.

То, что началось с непонятного уровня тревоги, обрело собственную жизнь, когда мамина детериорация усилилась. Это нельзя было назвать депрессией. Скорее, это была тревога, разрушающая изнутри, неспособность думать о чем-то другом, кроме как о будущем, которое казалось тем мрачнее, чем тяжелее становилось жить моей бедной маме.

Таблетки помогали, хотя мне до сих пор не нравится тот факт, что я сижу на них. Однако они не изменили обстоятельство, которое стало первопричиной всего: моя мама сидела дома и медленно теряла контроль над собой. И никто ничего не мог с этим сделать.

ГЛАВА 4

Нас окружали плотные ряды деревьев грецких орехов с пышной листвой, когда навигатор наконец объявил, что мы достигли пункта назначения. Учитывая, что мы были в нескольких километрах от чего бы то ни было, он однозначно нес чушь.

Я порылась в бардачке в поисках карты, которую, я надеялась, не придется использовать, и после нескольких неправильных поворотов меня привело к указателю на Шато-де-Руссиньоль. Когда я с хрустом заехала на песчаную дорогу,

---

¹ «Альмонд Магнум» — мороженое бренда «Магнум» с миндалем.

волнение внутри заставило меня на мгновение задуматься, была ли я на самом деле рада мысли о том, что находилась на отдыхе. Что ж, предположила я, вполне возможно, пусть даже это означает, что Адам будет рядом.

Было время, когда я ненавидела его, но эта эмоция не свойственна мне от природы. И я быстро выдохлась.

Поэтому долгое время я попадала под определение цивилизованного человека: улыбалась ради Уильяма, когда Адам приезжал, чтобы забрать его; восклицала «как замечательно!», когда наш сын возвращался, восхваляя гастрономические качества «Хэппи мила» из Макдоналдса, в который его отвели.

Даже если бы я захотела тратить свои силы и время на возмущение Адамом, я бы не нашла этого чувства в себе из-за всего произошедшего. Сейчас я к нему равнодушна. Я живу дальше, убеждая себя в том, что он во Франции из-за работы, а не потому, что никогда не хотел обременять себя чем-то настолько приземленным, как моногамия и отцовство. Мой сын проснулся и сел, потирая глаза, когда мы уже могли разглядеть первые очертания Шато-де-Руссиньоль. Я видела его только на фотографиях, на каждом этапе ремонта, начиная с момента, когда все это было лишь старой развалиной.

Случилось это еще до того, как Уильям начал говорить, — Адам, время от времени отвечая на мои сообщения по электронной почте, прикреплял фотографии замка. Все думали, что он сошел с ума, когда купил его.

Говорят, что за зарослями неподстриженных кустов и запущенных садов находилось величественное строение. Но в нем не было электричества, под полом бегали мыши, а канализационная система не менялась со времен средневековья. Однако, при всех своих недостатках, Адам всегда был достаточно упрямым, чтобы суметь вдохнуть в него жизнь.

Поскольку его письма — без просьб и вопросов с моей стороны — приходили мне на электронную почту каждый месяц на протяжении трех лет, я, хоть и не желая того, имела полное представление о его новой жизни: о долгих часах физического труда, об одержимом подходе к планированию, о смехо-

творно амбициозном видении этого места. Я без конца переживала о финансовых рисках, которые он взял на себя, и о том, как это скажется на его способности участвовать в затратах на воспитание Уильяма, без чего мы бы не дожили до сегодняшнего дня.

Я читала сообщения с имейлов со смесью заинтригованности, ревности, злости и отчаяния. Правда, оглядываясь назад, я думаю, что основной его мотивацией было в большей степени детское желание доказать, что он действительно что-то собой представляет.

Когда шато было почти завершено, а у нашего сына намечался третий день рождения, было очевидно, что Адаму таки удалось привести его в порядок.

Я запретила себе злиться, по крайней мере, из-за успеха, над достижением которого он тяжело трудился. Хотя, признаюсь, я никогда не могла *по-настоящему* поверить в то, как быстро он начал спать с другими женщинами после нашего разрыва, пока я привыкала к жизни с болящими сосками, отсутствием сна и с мыслью о том, что день был удачным, если я успевала почистить зубы до трех часов дня.

— Мы на месте? — спросил Уильям, сияя. — Вау, оно чудесное, не правда ли?

— Однозначно. Твой отец проделал огромную работу.

Шато было обезоруживающе красивым, больше походило на французский особняк, чем на замок в моем представлении, однако со всем величавым и неоклассическим гламуром, о котором можно только мечтать.

В нем было три этажа и серебристо-серая крыша с наклоном в сторону стен бисквитных оттенков с огромными окнами, обрамленными вычурными ставнями цвета морских ракушек. Две древние каменные ступени с филигранными коваными железными перилами вели к огромному арочному дверному проему. Высокий, увитый плющом балкон выходил на подъездную дорогу, покрытую гравием и окруженную с обеих сторон кипарисами. Вдоль здания снаружи выстроились горшки с яркими цветами.

Мы тряслись на ухабах в тишине, запах чабреца и колокольчиков витал в воздухе. Щebet соловьев и мягкий шелест бриза были единственными различимыми звуками.

— Не могу дождаться встречи с папой, — произнес Уильям. — Он выйдет нас встречать?

— Он постарается. Он сказал нам направляться в приемную по прибытии.

Адам клялся, что выбежит и обнимет Уильяма, как только мы приедем, но я умолчала об этом. Я не готова рисковать, учитывая, что мы говорим об Адаме и что он не ответил на сообщение, которое я отправила ему час назад, когда мы остановились, чтобы заправиться. Я заглушила двигатель и открыла дверь.

— Пойдем, попробуем найти его, — предложила я, выходя из машины. — Он не узнает тебя. Ты вырос почти на пять сантиметров с вашей последней встречи.

С Рождества мы видели Адама во плоти только один раз, когда он был в Лондоне у своей новой девушки Эльзы. Как и многие девушки, с которыми Адам встречался после меня, Эльза была младше его на несколько лет и полностью теряла дар речи в его присутствии, беспомощная перед сверкающим взглядом этих карих глаз.

Мне сложно припомнить, чтобы я чувствовала к нему нечто подобное, но логика подсказывала мне, что так должно было быть. Ведь мы были вместе больше трех лет, какое-то время были даже влюблены друг в друга и сумели сделать ребенка, пусть и случайно.

Это произошло до того, как я осознала, что, когда Адам говорил, что никогда не хотел быть отцом, он действительно имел это в виду.

Он первый признал, что не создан быть таким отцом, который был у меня. Мой папа далек от идеала, но его любовь до сих пор проявлялась в каждом часе, который он проводил со мной — играя в куклы или, когда я выросла, обучая меня водить машину. Такие занятия не были интересны Адаму даже после того, как отцовство стало неизбежной реальностью.

Из-за всего этого мне и пришлось разорвать наши отношения. Это было одним из самых сложных решений, которые я когда-либо принимала в своей жизни. Но у меня не было выбора.

ГЛАВА 5

Каменная лестница привела нас вверх к тяжелым дверям в холодную приемную для гостей, выложенную плиткой из выветрившегося камня.

Мы подошли к длинному старинному столу, на котором стояла стеклянная ваза с колеблющимися, резко пахнущими цветами и лежал белоснежный блокнот. Стул за ним был пустым, что Уильям воспринял как сигнал к тому, что необходимо нажать на серебристый звонок несколько раз.

Нас поприветствовала молодая девушка в короткой черной юбке, полупрозрачной белой блузке и балетках. У нее была гладкая блестящая кожа, ослепительные зубы и длинные светлые волосы, убранные назад в хвост, как у обьезженной лошади.

— Чем я могу вам помочь?

Она — англичанка с высоким уверенным голосом, который предполагает привилегированность и высокое положение. Я бы дала ей около двадцати пяти. Она не была худой, но ни одна часть ее тела не болталась, за исключением тех, что должны были по определению. Они немного покачивались.

— Мы зарезервировали один из коттеджей. На имя Джессики Пендлтон.

Ее лицо расплылось в такой улыбке, как будто она услышала новость о том, что в шоколадном пасхальном яйце нет калорий.

— Джесс! Я Симона.

Она положила ручку, обошла стол и протянула ко мне руки. Меня удивил такой подход к обслуживанию клиентов, особенно учитывая, что этот отдых ничего мне не стоил.

— А ты, должно быть, Уильям!

Уильям переминался с ноги на ногу:

— Да.

— Ты *очень* похож на своего отца, — продолжила она, широко улыбаясь.

Он выглядел довольным:

— Ох.

— Честно говоря, ты просто его вылитая копия. Только ослепительнее. — Щеки Уильяма стали пунцовыми. — Я безумно рада познакомиться с вами обоими. А Уильяма, я уверена, у меня будет шанс узнать получше, потому что я убедила Адама, что нам следует начать какие-то детские развлечения этим летом, и я буду их организовывать.

Уильям снова заулыбался. В ямочки на его щеках можно было вставить по карандашу, и они бы не выпали.

— Если тебе нравится футбол, ты в правильном месте. Хочешь, я запишу тебя?

Уильям был единственным ребенком в классе и, вероятно, единственным за всю восьмидесятидевятилетнюю историю школы, кто ни капельки не интересовался этой игрой. Ближе всего к спортивным достижениям он был, когда присоединился к школьной команде по бриджу.

— Эм... да, — ответил он.

Я не поверила своим ушам.

— За какую команду ты болеешь?

Он сглотнул:

— «Манчестер».

— Сити или Юнайтед?

— Эм... За обе.

Она хихикнула, и он сделал так же. Она подошла к столу с другой стороны и начала клацать на компьютере.

— Так, давайте поселим вас в коттедже.

Поскольку шато оказалось таким роскошным, я была рада, что мы не остаемся здесь, где, насколько мне было известно, находился офис Адама. Слишком близко для комфорта.

— У вас зарегистрировано пребывание трех гостей, это верно?

— Третья — моя подруга Наташа, но она присоединится к нам через неделю или около того.

— А, конечно. Итак, комнаты готовы. Я могу отвести вас туда прямо сейчас.

Она скрылась в офисе, чтобы взять ключ, затем попросила нас следовать за ней наружу, вновь под раскаленное солнце. Там она запрыгнула в гольф-кар, а мы с Уильямом сели в нашу машину и поехали за ней.

— Ну, она была милой, не так ли? — спросила я.

— Да, и она приятно пахнет, — ответил Уильям с энтузиазмом, а я не смогла найти подходящий ответ.

Дорога уходила за шато к красивому бассейну, усеянному по кругу желтыми, как подсолнухи, шезлонгами и зонтами в цвет.

Там было множество молодых семей, карапузов в плавательных костюмах в бретонскую полоску и детей возраста Уильяма, плескающихся на стороне бассейна с максимальной глубиной.

Над ним возвышалась террасированная барная зона с множеством столов и стульев, полностью затененная навесом из вьющейся благоухающей жимолости. На противоположной стороне виднелись теннисный корт, спортивная площадка и игровая зона в ярких цветах, окруженные ухоженными садами и романтическими клумбами с ползущей розой и ромашками.

Следуя за гольф-каром Симоны к лесной зоне, я заметила указатель на «Лез Экюри», монолитный блок. В тени деревьев было прохладнее, и после недолгой езды мы прибыли к маленькой парковке недалеко от каменных зданий с бледно-голубыми ставнями и индивидуальными верандами с белой геранью, расположенных вокруг привлекательного внутреннего двора.

— Здесь чудесно, — сказала я Симоне, когда мы миновали пыльный дворик и подъехали к последней двери. — Сколько здесь коттеджей?

— Двадцать один. В одних две спальни, в других три. Старые помещения прислуги на другой стороне владения тоже были отремонтированы.

Она приблизилась и прошептала:

— Но эти лучшие. И дорога отсюда к шато через лес займет у вас всего несколько минут.

Она вставила чугунный ключ в тяжелую деревянную дверь и, толкнув, открыла ее. Внутри коттедж был простым и деревенским, со светлой плиткой на полу, кухней и гостиной открытого типа. Главной изюминкой был большой старомодный камин, напротив которого размещалось два небольших синих дивана. Обеденный стол был большим, а кухня одновременно функциональная и милая, с глубокой керамической раковиной, чугунными сковородками, висящими на стене, и столешницей, сделанной из массивной дубовой доски. Спальни оформлены в белом цвете, с прелестными узорчатыми покрывалами и эмалированными вазами.

— Здесь очень мило. Спасибо, — сказала я, когда Уильям заявил права на свою кровать.

— Адам будет очень рад, что вам понравилось, — ответила Симона.

— А... Где он сам?

— Ох! Я должна была передать: у него какие-то дела сегодня днем, — ответила она расплывчато. — Он хотел быть здесь, когда вы приедете, но дело было безотлагательное.

Я прикусила губу и вежливо кивнула. Почему-то так всегда случается.

ГЛАВА 6

— Машина сама не распакуется, — обратилась я к Уильяму после ухода Симоны. — Если я подгоню ее под дверь, поможешь мне?

— Только можно сначала досмотреть? — пробормотал он, уткнувшись в айпад.

— Что ты смотришь? — спросила я, заглядывая через плечо.

— «Женщину в черном».

— Когда ты загрузил его? Он же слишком страшный для тебя.

— Мам, это всего лишь 12А¹, — вздохнул он.

---

¹ Согласно британской классификации фильмы категории 12А подходят для детей старше 12 лет.

Літературно-художнє видання

АЙЗЕК Кетрин
Я, ти і все, що між нами

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *М. В. Весновська*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 16.04.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

АЙЗЕК Кэтрин
Я, ты и все, что между нами
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *М. В. Весновская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 16.04.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
Свидетельство ДК № 5454 от 14.08.2017 г.
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
Тел./Факс (0456) 39-17-40
E-mail: bc-book@ukr.net; сайт: <http://www.bc-book.com.ua>

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Джесс — мати-одиначка. Маленький Вільям — найдорожче, що є в її житті. Минуло десять років, але вона так і не змогла забути Адама, батька своєї дитини. Дізнавшись про те, що є висока ймовірність успадкувати тяжке генетичне захворювання, Джесс, за порадою матері, наважується відновити стосунки. Думки про сина Вільяма, який може залишитися один, підштовхують її. Джесс повинна зробити все, щоб з'єднати двох найближчих і найдорожчих для неї людей — Вільяма і Адама. Можливо, це її останній шанс знайти справжню сім'ю та щастя...

Айзек К.

А36 Я, ты и все, что между нами : роман / Кэтрин Айзек ; пер. с англ. К. Хусаиновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4504-4

ISBN 978-1-4711-6446-0 (англ.)

Джесс — мать-одиначка. Маленький Уильям — самое дорогое, что есть в ее жизни. Прошло десять лет, но она так и не смогла забыть Адама, отца своего ребенка. Узнав о том, что высокая вероятность унаследовать тяжелое генетическое заболевание, Джесс, по совету матери, решается возобновить отношения. Мысли о сыне Уильяме, который может остаться один, подстегивают ее. Джесс должна сделать все, чтобы соединить двух самых близких и дорогих для нее людей — Уильяма и Адама. Возможно, это ее последний шанс обрести настоящую семью и счастье...

УДК 821.111